
ВРЕМЯ В ФИЛОСОФИИ А. БЕРГСОНА

Ю.Ю. Новиков

Российская народная академия наук

В статье рассмотрены философские воззрения А. Бергсона по проблеме времени. Приведён анализ его концепции времени в контексте современной ему философии, в частности в его основополагающей работе «Творческая эволюция». Также раскрыта роль Бергсона в формировании общей научной парадигмы XX в. и значение его идей для будущего.

Ключевые слова: А. Бергсон, время, длительность, протяжённость, пространство, сознание, интуиция, интеллект, А. Эйнштейн, континуум пространство-время, В.И. Вернадский.

Выдающийся французский философ Анри Бергсон (1859–1941) внёс существенный вклад в разработку философской *концепции времени*. Он предложил в этой концепции ряд новаторских идей, не утративших своего значения до нашего времени. Бергсон дал новое понимание времени, оказавшее огромное влияние на последующее развитие категории времени в естественных науках, и прежде всего в биологии и психологии. Его позиция, возрождавшая давние философские трактовки времени (Локк, Беркли, Юм), которые подчёркивали содержательный, качественный характер времени, во многих отношениях в будущем оказалась созвучной таким философским течениям, как феноменология Гуссерля и фундаментальная онтология Хайдеггера [2]. А. Бергсон отличал «научное время», которое измеряется часами и другими средствами, и «чистое время» как динамичный и активный поток событий – поток самой жизни. Это время переживается непосредственно, и внутри него возможно действовать свободно. Только интеллект действует во времени в первом смысле. Он организует и концептуализирует все отдельные сущности, последовательности, состояния и даёт реальности ясный и оригинальный аспект, которыми они фактически не владеют.

В своей первой большой работе (докторской диссертации) «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889) А. Бергсон ввёл основное понятие своей метафизики – динамическую природу времени. В полемике с теориями психологического детерминизма и психофизики он описывал человеческое сознание как непрерывно изменяющуюся, творческую реальность, как поток, в котором мышление составляет лишь поверхностный слой, подчиняющийся потребностям практики и социальной жизни. В глубинных же своих пластах сознание может быть постигнуто лишь усилием самонаблюдения (интроспекции) и интуицией. Учёный полагал, что философы-детерминисты (Г. Спенсер и др.) не учитывали непредсказуемые, новые и творческие элементы при принятии решения, которые суть продукты живого времени и истории. По мнению Бергсона, свободная воля, которая, как и

любая другая временная категория, может быть постигнута только интуитивно – является редким, однако решающим элементом в развитии человеческого сознания.

Бергсон объяснял различие между сознанием и протяжением. Поток сознания в его трактовке сконструирован таким образом: он не является хаотическим изменением, а целостность сознания однозначно концентрируется его динамическим видением, идеей о том, что каждое состояние сознания человека выражает всю личность. Русский религиозный философ С. Аскольдов так охарактеризовал эту особенность бергсоновской концепции: «...достаточно установить хотя бы относительную прерываемость единства сознания. Эта задача неоднократно разрешалась в истории философии. Наиболее блестящее и разительное её разрешение дано в философии Бергсона» [1].

Человек – существо, обладающее памятью, и поэтому он не находится во власти действующей в данный момент силы или сиюминутного импульса. Прошлое не предопределяет настоящее, ибо человек самопроизвольно меняется в настоящем и потому свободен. Человеческий опыт философ считал применимым ко всему живому. Материалистическая схема приложима ко всему, что имеет протяжение в пространстве, однако имеется и другой важный аспект реальности – длительность. Задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. А. Бергсон писал: «Интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания, вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, и таким образом одновременностей, о которых нельзя даже сказать, что они следуют друг за другом объективно» [10]. Причём автор различал «физическое время», которое имеет пространственное выражение, и длительность – «время сознания». Последнее содержит в себе развитие. События, которые создают его, неповторимы и потому обладают непрерывностью, направлены в будущее. По Бергсону, непосредственно, а значит, достоверно не только то, что мы постигаем в собственном сознании, но и то, что даётся чувствами. Отсюда наше восприятие материи не является, по крайней мере, в принципе относительным и субъективным: оно верно отображает нам предмет; просто конкретное восприятие неполно, поскольку связано с нашими потребностями.

Под влиянием ньютоновской физики время стало восприниматься как константа, последовательность дискретных моментов, наподобие точек на прямой или секундных отметок на часах. А. Бергсон же, напротив, доказывал, что время, воспринимаемое живым организмом, является динамичным, изменчивым и качественным. Математическое время есть просто некоторая прямая, в которой различные моменты равноправны друг перед другом. Именно таким временем оперируют математика и математическая физика. На этой прямой совершенно безразлично, прошлое здесь, настоящее или будущее – таких понятий для линейного времени не существует, но для любого человека всегда есть понятие прошлого, настоящего и будущего. И более

того, со всей остротой возникает проблема, высеченная ещё Аристотелем и гениально показанная Августином Блаженным, – то, что время, понимаемое как единство прошлого, настоящего и будущего, попросту исчезает: прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее есть неуловимое мгновение, которое поймать невозможно. Это переживание времени Бергсон назвал длительностью. Проживаемое время, которое автор именовал термином «durée» (длительность), могло быть воспринято только интуитивно, причём его воздействие слишком трудноуловимо и объёмно, чтобы измерить его с помощью аналитических методов позитивизма. Длительность есть тот самый материал действительности, который находится в вечном становлении, никогда не являясь чем-то законченным. Концепция Бергсона, возрождавшая очень давние философские традиции трактовки времени (к примеру, представления о времени Августина), стала стимулом для разработки этой проблемы иными течениями философской мысли, в том числе феноменологией Гуссерля, фундаментальной онтологией Хайдеггера, католическим модернизмом.

В своей следующей работе «Материя и память» (1896) А. Бергсон заявил, что задачей философии является постижение времени, как оно протекает в процессе жизни. Целью этого эссе автор поставил проблему сближения на концептуальном уровне сознания, памяти и материи. Бергсон пытался показать отношения разума и материи, причём реальность обоих понятий утверждалась путём анализа памяти, которая является «пересечением разума и материи». В данной работе А. Бергсон разрабатывал проблему уровней сознания и способности «уловить» сознание в его «ускользающей самобытности» [8].

Философ доказывал, что материя и сознание, тело и рассудок, восприятие и память – это явления, реконструированные самим рассудком из фактов непосредственного опыта, той первичной интуиции, которая открывает нам нераздельную движущуюся непрерывность. Бергсон утверждал, что, прежде всего, длительность обнаруживает себя в памяти, так как именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем. Память в трактовке автора фактически тождественна сознанию, она совпадает с ней «по протяжённости».

«Прошлое переживает себя, – писал он, – в двух различных формах: во-первых, в виде двигательных механизмов, во-вторых, в виде независимых воспоминаний. Например, о человеке говорят, что он помнит стихотворение, если он может повторить его наизусть, то есть если он приобрёл некоторую привычку или механизм, позволяющие ему повторить ранее проделанное действие. Но он мог бы, по крайней мере теоретически, быть способным повторить стихотворение, и не помня тех предыдущих случаев, когда он читал его раньше. Таким образом, этот вид памяти не включает осознания прошедших событий. Второй вид, который только один и заслуживает названия “памяти”, представлен воспоминаниями тех отдельных случаев, когда человек читал стихотворение, причём каждый случай не похож на другие случаи

и связан с определённой датой. Это не вопрос привычки, так как каждое событие происходило только однажды и произвело впечатление сразу. Предполагается, что каким-то образом всё, что когда-нибудь с нами случилось, помнится, но, как правило, доходит до сознания только то, что полезно» [13]. Кажущиеся провалы памяти, как доказывал Бергсон, являются в действительности провалами не психической части памяти, а моторного механизма, вводящего память в действие. Этот взгляд подтверждался данными физиологии мозга (работы И.П. Павлова) [7] и явлениями потери памяти, из которых, как утверждал А. Бергсон, следовало, что истинная память не является функцией мозга. («Мозг оказывается орудием действия», – писал автор). Прошлое должно быть действием материи, воображаемым разумом.

В своей важнейшей работе «Введение в метафизику» (1903) Бергсон доказывал, в чём заключается основное различие между естествознанием и философией. Формируя принципы метода, Бергсон исходил из тезиса о существовании внешней реальности, непосредственно данной сознанию, который был подробно обоснован в эссе «Материя и память». Автор подчеркивал, что научное сознание стремится подчинить себе природу, «замораживая поток времени», сводя целое к дискретным, поддающимся анализу элементам [12].

В главной работе, в которой наиболее полно была изложена его философская концепция, – «Творческая эволюция» (1907) А. Бергсон противопоставил идею эволюции классической диалектике. В этой книге Бергсон отвергал механистическое описание реальности, а также теории, которые описывают реальность в терминах движения к некоторой цели.

Выступая против механицизма и догматического рационализма, Бергсон утверждал в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь, интерпретируемую как некую целостность, радикально отличающуюся от материи и духа, которые, взятые сами по себе, являются продуктами распада жизненного процесса. В «Творческой эволюции» автор представил картину Вселенной радикально отличную от той, которую предлагали позитивизм и сциентизм [2]. Видение мира с позиций темпоральной ценности и динамизма было основной внутренней установкой А. Бергсона, эти принципы, высказанные ещё в предыдущих работах, были распространены на мир в целом. Бергсон писал: «Вселенная длится», вполне определённо называя длительность «основой нашего бытия и самой субстанции вещей».

Если бы можно было добавить ещё один образ к тем многим, которыми А. Бергсон иллюстрирует свою философию, то следовало бы предполагать, что Вселенная есть огромный фуникулер, в котором жизнь – это поезд, идущий вверх, а материя – поезд, идущий вниз: «Интеллект состоит в наблюдении спускающегося поезда, в то время как он проходит мимо поднимающегося поезда, где сидим мы. Очевидно, что более благородный дар, который концентрирует своё внимание на нашем собственном поезде, есть инстинкт или интуиция. Можно перепрыгнуть из одного поезда в другой; это случается, когда мы становимся жертвами автоматической привычки, в

этом сущность комического. Или мы можем разделиться на части: одну часть – идущую вверх, другую – вниз; тогда комична только часть, идущая вниз. Но сам по себе интеллект не является нисходящим движением – это просто наблюдение нисходящего движения восходящим движением» [11].

По мнению биографа А. Бергсона Ж. Шевалье, автор «Творческой эволюции» стремился «вновь поместить интеллект в человека, а самого человека – в универсум», рассматривать его в единстве с миром, часть которого он составляет и где осуществляет определённые функции» [15]. Интуиция, то есть «инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своём предмете» превосходит и интеллект, и инстинкт, поскольку, надстраиваясь над инстинктом и обладая тем же достоинством непосредственного проникновения в объекты, может ввести сознание внутрь самой жизни. Интуиция как форма жизни и одновременно – способ проникновения в жизненный порыв (сущность которого свобода и творчество) представляет собой, в противовес интеллекту, творческую способность, следующую самому направлению жизни. Интуицию Бергсон связывал с духом, более того, она и есть, согласно автору, дух, она открывает духу его самого, а потому не является уже простой формой жизни.

Как интеллект связан с пространством, так инстинкт или интуиция связаны со временем. Для А. Бергсона интеллект и инстинкт – это «два расходящихся, одинаково красивых, решения одной и той же проблемы». Бергсон писал: «Интеллект неизменно ведет себя так, как будто он зачарован созерцанием инертной материи. Интеллект – это жизнь, смотрящая вовне, становящаяся вне относительно самой себя, принимающая как принцип приёмы неорганизованной природы, чтобы применять их в действии» [11]. Он утверждал, что даже если философия полностью овладеет интуицией, она «никогда не достигнет такого познания своего предмета, как наука – своего. Интеллект является лучезарным ядром, вокруг которого инстинкт, даже очищенный и расширенный до состояния интуиции, образует только неясную туманность».

Рассматривая категории пространства и времени, А. Бергсон утверждал, что пространство – это характеристика материи, в действительности оно иллюзорно, полезно в некоторой степени на практике, но вводит в заблуждение в теории. Время, наоборот, есть существенная характеристика жизни или разума.

Но время, о котором говорил философ, – это не математическое время, не однородная совокупность взаимно сменяющих друг друга внешних моментов. Математическое время, согласно Бергсону, есть на самом деле форма пространства; время же, являющееся сущностью жизни, он называл длительностью. Физическое время представляет собой результат разлагающей деятельности интеллекта, в то время как живое время познаётся посредством интуиции – самодостаточной формой познания жизнью самой себя. Позже, интерпретируя эти аспекты концепции А. Бергсона, Н. Винер утверждал: «Бергсон подчеркнул различие между

обратимым временем физики, в котором не случается ничего нового, и необратимым временем эволюции, в котором всегда имеется что-нибудь новое».

Длительность, которая «не является сменяющимися друг друга моментами», есть взаимопроникновение состояний сознания; они непротяжённые и поэтому не могут быть расположены рядом друг с другом; они различаются не количественно, а качественно и потому не поддаются измерению и исчислению как материальные объекты» [11]. Длительность, а стало быть, жизнь имеет, по А. Бергсону не пространственный, а временной характер. Это «качественное», «живое» время радикально отличается от того понятия механическо-физического времени, которое, по мнению автора, возникает в результате разложения интеллектом длительности. Интеллект Бергсон трактует в духе А. Шопенгауэра, противопоставляя его интуиции как орудие оперирования с «мёртвыми вещами» – материальными, пространственными объектами в соответствии со своей природой – способностью мыслить лишь в пространственных количественных категориях. Интеллект способен понимать живое, органическое, лишь превратив его в мёртвое, механическое, ибо он, согласно Бергсону, имеет чисто практическое назначение – формировать неорганизованную материю. Этот общий контур наполняется описанием действительного развития жизни на Земле в процессе эволюции.

В 1922 г. А. Бергсон, откликаясь на работы А. Эйнштейна, написал книгу «Длительность и одновременность. По поводу теории относительности Эйнштейна», в которой чётко сформулировал свою интерпретацию категории времени. Объясняя в начале работы её цель, Бергсон подчёркивал, что он стремился выяснить, в какой мере его концепция длительности может быть согласована с теорией Эйнштейна. «Моё восхищение этим физиком, убеждение, что он даст нам не только новую физику, но также некоторые новые приёмы мышления, идей, что наука и философия суть дисциплины различные, но созданные для взаимного дополнения, – всё это внушало мне желание и даже вменяло в обязанность провести тщательное сравнение», – писал автор [9].

Однако А. Бергсон, подобно А. Пуанкаре, считал, что континуум пространство-время является только удобным инструментом, ещё одной конвенцией исследователей. Бергсон не сделал выводов из эйнштейновского разделения *собственно времени* (или времени-параметра с локальным применением) и *времени-координаты* (времени-измерения). Единство реального времени предстаёт не как тезис, требующий обоснования, а как принцип решения конкретной, метафизической или космологической проблемы. Именно единство реального времени, осмысление через способность сознания схватывать множество потоков с помощью актов, которые размечают ритм реальной длительности, позволяет примирить гипотезу об универсальности времени материального мира со множеством длительностей, связанных с процессами, происходящими во Вселенной [4].

Бергсон утверждал: для того чтобы узнать, имеем ли мы дело в конкретном случае с реальным временем или его фикцией, нужно поставить вопрос, может ли такое время быть воспринято. Отдавая должное великому физику, А. Бергсон подчёркивал, что только теория относительности показывает принципиальную равноправность и взаимозаменяемость различных систем отсчёта, в то время как множественность времён есть лишь отражение факта взаимного перемещения этих систем.

Интуитивная одновременность, по Бергсону, воспринимается субъектом, и мы соотносим её с собственной длительностью. Но именно позиция интуитивизма была причиной, в силу которой А. Эйнштейн и А. Бергсон не понимали друг друга. А. Эйнштейн в письме к своему другу М. Бессо писал: «Не существует логического пути, который привел бы от эмпирического материала к общему принципу, на который потом могла бы опереться логическая дедукция. ...я не верю, что существует путь... к познанию через индукцию; во всяком случае, это никак не логический метод. И чем дальше продвигается теория, тем отчетливее становится ясным, что индуктивным путем нельзя найти основные законы, на основе одних опытных фактов (например, уравнения поля тяготения, или уравнения Шрёдингера в квантовой механике). В общем можно сказать так. Путь от частного к общему интуитивен, путь от общего к частному – логичен» [14].

В некотором плане Бергсон «опережал» Эйнштейна с его классицизмом. Можно было бы примирить относительность с разумом всех людей, если ограничиться пониманием множественности времён как математических выражений и признать существование – по ту и по сю стороны психоматематического образа мира, который является миром существующих людей [5].

В первой трети XX в. в Европе учение А. Бергсона о времени было очень популярно. В 1931 г. В.И. Вернадский в рукописи «О жизненном (биологическом) времени» написал: «Время Бергсона есть время реальное, проявляющееся и *создающееся* (выделено В. Вернадским) в процессе творческой эволюции жизни. Время идёт в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление – созидание творческого мирового процесса» [3]. Человек есть явление природы, следовательно, и время, им продуцируемое, есть явление природы – так понимал А. Бергсона В.И. Вернадский, и это явилось решающим шагом в создании нового натуралистического мировоззрения, в которое включалась живая природа во главе с человеком. Если Бергсон источником времени считал внутреннее психологическое или интуитивное движение, то Вернадский распространял его положения на весь живой мир.

Позже, в 1940-х гг. Н. Винер в своей «Кибернетике» связал концепцию А. Бергсона с некоторыми поворотными моментами в развитии науки XX в.: «...Переход от ньютонова обратимого времени к гиббсову необратимому

получил философские отклики. Бергсон подчеркнул различие между обратимым временем физики, в котором не случается ничего нового, и необратимым временем эволюции в биологии, в котором всегда имеется что-то новое» [16]. Первая глава «Кибернетики» Винера так и называлась «Ньютоново и бергсоново время». Имелось в виду то, что А. Бергсон сделал предметом исследования специфику времени, переживаемого человеком как живым организмом, сознательным существом.

Таким образом, концепция времени Бергсона была весьма эвристичным инструментом для научных исследований во многих направлениях. Её значение не утрачено и в наши дни. Философы и естествоиспытатели ещё долго будут обращаться к этой концепции, соотнося с ней свои результаты. Возможно, к идеям А. Бергсона обратятся люди будущего, обживающие Космос. Об этом так пишет лётчик-космонавт В.В. Лебедев: «Представления о пространстве и времени, связанные с вращением Земли вокруг Солнца, привязанные к наблюдению мира над головой теряют для них своё значение... Только внутренние биологические часы, ход которых заложила в нас природа, сохраняют земной ритм, а сознанию придётся искать иной отсчёт времени для привязки событий и процессов» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов С.* Время и его религиозный смысл // Вопросы философии и психологии. – 1913. – Кн. 117.
2. *Блауберг И.И.* Анри Бергсон. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. *Вернадский В.И.* О жизненном (биологическом) времени // Размышления натуралиста. – Кн. 1: Пространство и время в живой и неживой природе. – М.: Наука, 1988.
4. *Дюринг Э.* Критика Бергсоном релятивистской метафизики: её наследие и актуальность: пер. с франц. // Логос. – 2009. – № 3.
5. *Мерло-Понти М.* В защиту философии / пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитарн. литературы, 1996.
6. *Лебедев В.* Человек космоса // Наука и жизнь. – 2010. – № 2.
7. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Пг., 1923.
8. *Суворова А.Н.* Введение в современную философию. – М., 2007.
9. *Bergson H.* Durée et simultanéité. A propos de la théorie d'Einstein. – Paris, 1922.
10. *Bergson H.* Essai sur les données immédiates de la conscience. – Paris, 1889.
11. *Bergson H.* L'Évolution créatrice. – Paris, 1907.
12. *Bergson H.* Introduction à la métaphysique. – Paris, 1903.
13. *Bergson H.* Matière et mémoire: Essai sur la relation du corps à l'esprit. – Paris, 1896.
14. *Besso M.* Albert Einstein. Correspondence, 1903-1955. – Paris, 1972.
15. *Chevalier J.* Bergson. – Paris, 1948.
16. *Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. – New-York – Hermann et Cie, Paris, 1948.